

Источник. Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). – М.: Худож. лит., 1969. – С.146-171, 709-713 (прим.) – Сер. «Библиотека всемирной литературы». Подготовка текста «Поучения...», перевод и примечания Д.С.Лихачева.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Азь худый, дедомъ своимъ Ярославомъ, благословленнымъ, славнымъ, нареченный въ крещении Василий, русьскимъ именемъ Володимиръ[1], отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мьномахы[2] ... и хрестьяныхъ людей деля, колико бо сблюдъ по милости своей и по отие молитве от всехъ бедъ! Седя на санехъ[3], помыслихъ в души своей и похвалихъ бога, иже мя сихъ днень грешнаго допровода. Да дети мои, или инъ кто[4], слышавъ ея грамотицю, не посмейтеся, но ему же любя детей моихъ, а приметь е в сердце свое, и не ленитися начеть, тако же и тружатися.

Первое, бога деля и душа своя, страхъ имейте божий в сердца своемъ и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не любя грамотица си, а не поохритаются, но тако се рекутъ: на далечи пути, да на санехъ седя, безлепицю си молвилъ.

Усретоша бо мя слы от братья моя[5] на Волзе, реша: «Потьснися к нам, да выженемъ Ростиславича[6] и волость ихъ отъимем; иже ли не поидеши с нами, то мы собе будем, а ты собе». И рехъ: «Аще вы ся и гневаете, не могу вы я ити, ни креста переступити».

И отрядивъ я, вземъ Псалтырю[7], в печали разгнухъ я, и то ми ся выня: «Векую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя?» и прочая. И потомъ собрахъ словца си любая, и складохъ по ряду, и написахъ: Аще вы последняя не любя, а передняя приимайте.

«Вскую печална еси, душе моя? Вскую смущаеши мя? Уповаи на бога, яко исповемся ему». «Не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье, зане лукавнующии потребятся, терпящии же господя, — ти обладають землею». — И еще мало. — «И не будетъ грешника; взищеть места своего, и не обрящеть. Кротции же наследять земли, наслаждаться на множестве мира. Назираеть грешный праведнаго, и поскрегчеть на нь зубы своими; господь же посмеется ему и прозритъ, яко придетъ день его. Оружья извлекоша грешници, напряже лукъ свой истреляти нища и убога, заплати правыя сердцемъ. Оружье ихъ внидетъ в сердца ихъ, и луци ихъ скрушатся. Луче есть праведнику малое, паче богатства грешныхъ многа. Яко мышца грешныхъ скрутится, утверждаетъ же праведный господь. Яко се грешници погыбнуть; праведныя же милуя и даеть. Яко благословящии его наследятъ землю, кленущии же его потребятся. От господя стопы человеку исправятся. Егда ся падеть, и не разбьеться, яко господь подьемлетъ руку его. Унь бех, и сстарехся, и не видехъ праведника оставлена, ни семени его просяще хлеба. Весь день милует и в заимъ даеть праведный, и племя его благословленно будет. Уклонися от зла, створи добре, взищи мира и пожени, и живи в веки века».

«Внегда стати человекомъ, убо живы пожерли вы быша; внегда прогневатися ярости его на ны, убо вода бы ны потопила».

«Помилуй мя, боже, яко попра мя человекъ, весь день боряся, стужи ми. Попраша мя врази мои, яко мнози борющиися со мною свыше». «Возвеселится праведник, и егда видить мечь; руце свои умыеть в крови грешника. И рече убо человекъ: аще есть плодъ праведника, и есть убо богъ судяй земли». «Измый мя от врагъ моихъ, боже, и от встающихъ на мя отыми мя. Избави мя от творящихъ безаконье. и от мужа крови спаси мя: яко се вловиша двшю

мою». «И яко гневъ въ ярости его, и животь в воли его; вечеръ водворится плачь, а заутра радость». «Яко лучши милость твоя, паче живота моего, и устне мои похвалита тя. Тако благословлю тя в животе моемъ, и о имене твоємъ въздею руже мои». «Покры мя от сонъма лукаваго и от множества делающих неправду». «Възвеселитесь вси праведниии сердцемъ. Благословлю господа па всяко время, воину хваля его», и прочая.

Яко же бо Василий учаше[8], собрав ту уношу, душа чисты, нескверньни, телеси худу, кротку беседу и в меру слово господне: «Яди и питью бесъ плица велика быти, при старых молчати, премудрых слушати, старейшимъ покарятися, с точными и меншими любовь имети; без луки беседующе, а много разумети; не свереповати словомъ, ни хулити беседою, не обило смеятися, срамлятися старейших, к женам нелепымъ не беседовати, долу очи имети, а душу горе, пребегати; не стрекати учить легких власти, ни в кую же имети, еже от всех честь. Аще ли кто васъ можетъ инемъ услети, от бога мзды да чаеть и вечных благъ насладитя». «О Владычице богородице! Отъими от убогаго сердца моего гордость и буестъ, да не възношюся суетою мира сего»; в пустошнемъ семь житьи.

Научися, верный человеце, быти благочестию делатель, научися, по евангельскому словеси, «очима управленье, языку удержанье, уму смиренье, телу порабощенье, гневу погубленье, помысль чистъ имети, понужаяся на добрая дела, господа ради; лишаемъ — не мести, ненавидимъ — люби, гонимъ — терпи, хулимъ — моли, умертви грехъ». «Избавити обидима, судите сироте, оправдайте вдовицю. Придете, да сождемъся, глаголетъ господь. Аще будут греси ваши яко обращени, яко снег обелю я», и прочее. «Восияеть весна постная и цветъ покаянья, очистимъ себе, братья, от всякоя крови плотския и душевныя. Светодавцю вопыюще рцемъ: «Слава тебе, человеколюбче!»

Поистине, дети моя, разумеите, како ти есть человеколюбець богъ милостивъ и премилостивъ. Мы человеци, грешни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хоцемъ и пожрети и кровь его прольяти вскоре; а господь нашъ, владея и животомъ и смертью, согрешенья наша выше главы нашея терпить, и паки и до живота нашего. Яко отецъ, чадо свое любя, бья, и паки привлечь е к себе, тако же и господь нашъ показал ны есть на врагы победу, 3-ми делы добрыми избыти его и победити его: покаянемъ, слезами и милостынею. Да то вы, дети мои, не тяжька заповедь божья, оже теми делы 3-ми избыти грехов своих и царствия не лишитися.

А бога доля не ленитесь, молю вы ся, не забывайте 3-х дель техъ: не бо суть тяжька; ни одиночество, ни чернечество, ни голодь, яко инии добрии терпятъ, но малым деломъ уллучити милость божью.

«Что есть человекъ, яко помниши и?» «Велий еси, господи, и чюдна дела твоя, никак не разумъ чеповеческъ не можетъ исповедати чюдес твоихъ; — и паки речемъ: велий еси, господи, и чюдна дела твоя, и благословено и хвално имя твое в веки и по всей земли». Иже кто не похвалить, ни прославляеть силы твоя и твоих великих чюдес и доброт, устроены на семь свете: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звезды, и там, и свет, и земля на водах положена, господи, твоимъ промыслом! Зверье разноличнии, и птица и рыбы украшено твоимъ промыслом, господи! И сему чюду дивуемъся, како от персти создавъ человека, како образи разноличнии въ человеческихъ лицах, — аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образ, но кый же своимъ лицъ образом, по божию мудрости. И сему ся подивуемъ, како птица небесныя изъ ирья идуть[9], и первое, въ наши руже, и не ставятся на одной земли, но и сильныя и худыя идуть по всемъ землямъ, божиимъ повеленьемъ, да наполнятся леей и поля. Все же то далъ богъ на уголье человекомъ. на

снѣдь, на веселье. Велика, господи, милость твоя на нас, иже та угодыя створилъ еси человека деля грешна. И ты же птице небесныя умудрены тобою, господи; егда повелиши, то вспоють, и человеки веселять тебе; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имуще онемеють. «А благословенъ еси, господи, и хвалень зело!» Всяка чудеса и ты доброты створивъ и зделавъ. «Да иже не хвалить тебе, господи, и не веруеть всемъ сердцемъ и всею душею во имя отца и сына и святаго духа, да будетъ проклятъ».

Си словца прочитаюче, дети моя, божественая, похвалите бога, давшего нам милость свою: а се от худаго моего безумья наказанье. Послушайте мене: еще не всего примете, то половину.

Аще вы богъ умякчить сердце, и слезы своя испустите о гресехъ своихъ, рекуще: яко же блудницу и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и насъ грешныхъ помилуй! И в церкви то дейте и ложася. Не грешите ни одну же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнете не мочи, а трижды. А того не забывайте, не ленитесь, темъ бо ночнымъ поклономъ и пеньемъ человекъ побеждаетъ дьявола, и что въ день согрешить, и темъ человекъ избываетъ. Аще и на кони ездяче не будетъ ни с кымъ орудья, аще инехъ молитвъ не умеете молвити, а «господи помилуй» зовете беспрестани, втайне: та бо есть молитва всехъ лепши, нежели мыслити безлепицю, ездя.

Всего же паче убогихъ не забывайте, но елико могуще по силе кормите, и придайте сироте, и вдовицю оправдате сами, а не вдавайте сильнымъ погубити человека. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелевайте убить его: аще будетъ повинень смерти, а душа не погубляйте никакая же хрестьяны. Речь молвяче, и лихо и добро, не кленитесь богомъ, ни хреститесь, нету бо ни нужда никоея же. Аще ли вы будете крестъ целовати к брату или к кому, а ли управивъше сердце свое, на немъ же можете устояти, тоже целуйте, и целовавше блюдете, да не, приступни, погубите душу своею. Епископы, и попы и игумены... с любовью взимайте от нихъ благословенье, и не устраняйтесь от нихъ, и но силе любите и набдите, да примете от нихъ молитву... от бога. Паче всего гордости не имейте в сердце и въ уме, но рцемъ: смертни есмы, днесъ живи, а завтра в гробъ; се все, что ны если вдаль, не наше, но твое, поручилъ ны оси на мало дний. И в земли не хороните, то ны есть великъ грехъ. Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью. В дому своемъ не ленитесь, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмеются приходящий к вам. ни дому вашему, ни обеду вашему. На войну вышедъ, не ленитесь, не зрите на воеводы; ни питью, ни еденью не лагодите, ни спанью; и стороже сами наряживайте, и ночь отвсюду нарядивше около вои, тоже ляжите, а рано встанете; а оружья не снимайте с себе вборзе, не розглядавшя ленощами внезапно бо человекъ погыбаеть. Лже блюдиша и пьянства и блуда, и томъ бо душа погыбаеть и тело. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости деяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селехъ, ни в житехъ, да не кляти васъ начнуть. Куда же поидите, идеже станете, напоите, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуда же к вамъ придетъ, или простъ, или добръ, или соль, аще же не можете даромъ, — брашномъ и питьемъ: ти бо мимоходячи прославлять человека по всемъ землямъ любо добрымъ, любо злымъ. Болнаго присетите; надъ мертвеца идете, яко вси мертвени есмы. И человека не минете, не привечавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конецъ всему: страхъ божий имейте выше всего.

Аще забываете сего, а часто прочитайте: и мне будетъ бе-соромъ, и вамъ будетъ добро.

Его же умеючи. того не забывайте доброго. а его же не умеючи. а томъ ся

учите, яко же бо отець мой, дома сядя, изуменяше 5 языкъ[10], в томъ бо честь есть от инехъ земля. Леность бо всему мати: еже умееть, то забудеть, а его же не умееть, а тому ся не учить. Добре же творяще, не мозите ся ленити ни на что же доброе, первое к церкви: дане застанеть вас солнце на постели; тако бо отець мой деяшетъ блаженный и вси добрии мужи свершении. Заутреню отдавше богови хвалу, и потомъ солнцю всходящу, и узревше солнце, и прославити бога с радостью и рече: «Просвети очи мои, Христе боже, иже даль ми оси светъ твой красный! И еще: «Господи, приложи ми лето къ лету, да прокъ, греховъ своихъ покаявша, оправдивъ животь», тако похвалю бога и седше думати с дружиною, или люди отправливати, или на ловъ ехати, или поездити, или лечи спати: спанье есть от бога присужено полудне. О ть чина бо почиваетъ и зверь, и птици, и человеци.

А се вы поведаю, дети моя, труд свой, оже ся есмь тружалъ, пути дея и ловы с 13 лет. Первое к Ростову идохъ, сквозе вятиче, посла мя отец, а сам иде Курьску; и паки 2-е к Смолинску со Ставкомъ и с Гордятичемъ[11], той паки и отъиде к Берестию[12] со Изяславомъ, а мене посла Смолинску, то и-Смолинска идохъ Володимерю[13]. Тое же зимы той посласта Берестию брата на головне, иде бяху ляхове пожгли, той ту блюдь городъ тихъ. Та идохъ Переясдавлю отцю[14], а по Велице дни ис Переяславля та Володимерю — на Сутейску[15] мира творить с ляхы. Оттуду накы на лето Володимерю опять.

Та посла мя Святославъ в Ляхы; ходивъ за Глоговы до Чешьекаго леса[16], ходивъ в земли ихъ 4 месяци. И в то же лето и детя ся роди старейшее новгородское[17]. Та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову. И Святославъ умре[18], и язъ паки Смолинску, а и-Смоленска той же зиме та к Новугороду; на весну Глебови в помочь[19]. А на лето со отцемъ подъ Полтескъ, а на другую зиму с Святополкомъ подъ Полтескъ, — ожьгъше Полтескъ; онъ иде Новугороду, а я с половци на Одрьскъ[20], воюя, та Чернигову. И паки, и-Смолинска къ отцю приходх Чернигову. И Олегъ приде, из Володимеря выведенъ, и возвах и к собе на обедъ со отцемъ в Чернигове, на Краснем дворе[21], и вдахъ отцю 300 гривен золота. И паки и-Смолинска же пришедъ, и пройдох сквозе половецкыи вои, бьяся, до Переяславля, и отца налезохъ с полку пришедше. То и паки ходихомъ, том же лете, со отцемъ и со Изяславомъ биться Чернигову с Борисомъ, и победихомъ Бориса и Олга[22]. И паки идохомъ Переяславлю, и стахом во Оброве[23].

И Всеславъ Смолнескъ ожьже, и азъ вседь с черниговци о двою коню, и не застахом... въ Смолинске. Тем же путем по Всеславе пожегъ землю и повоевавъ до Лу-камля и до Логожьска[24], та на Дрьютъскъ воюя, та Чернигову.

А на ту зиму повоеваша половци Стародубъ весь, и азъ шедъ с черниговци и с половци, на Десне изымахом князи Асадука и Саука[25], и дружину ихъ избиша. И на заутрее за Новым Городом[26] разгнахомъ силны вои Белкатгина[27], а семечи[28] и полон весь отяхом.

А въ вятичи[29] ходихомъ по две зиме на Ходоту[30] и на сына его, и ко Корьдну[31], ходихъ 1-ю зиму. И паки по Изяславичихъ[32] за Микулинъ[33], и не постигохом ихъ. И на ту весну къ Ярополку совкупляться на Броды[34].

Том же лете гонихомъ по половецкихъ за Хороль[35], иже Горошинъ[36] взята.

И на ту осень идохомъ с черниговци и с половци, с читеевичи, к Меньску изъехахом городъ, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины.

На ту зиму идохомъ къ Ярополку совокуплятися на Броды, и любовь велику створихом.

И на весну посади мя отецъ в Переяславли передъ братьею, и ходихомъ за Свпой[37]. И едучи к Прилукв[38] городу. и светоша ны впезапу половецкыи

князи, 8 тысячъ, и хотехом с ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозехъ, и внидохом в городъ; толко семцю яша единого живого[39], ти смердъ неколико, а наши онехъ боле избиша и изьцмаша, и не смеша ни коня пояти в руке, и бежаша на Сулу тое ночи. И заутра, на Госпожинъ день, идохом к Беле Вежи[40], и богъ вы поможе и святая богородица: избихом 900 половецъ, и два князя яхом, Багубарсова брата, Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста.

И потомъ на Святославль[41] гонихом по половцих, и потомъ на Торческый городъ, и потомъ на Гюргевъ[42] по половцих. И паки на той же стороне у Красна половци победихом; и потомъ с Ростиславом[43] же у Варина[44] веже взяхом. И потом ходивъ Володимерю[45], паки Ярополка посадих, и Ярополкъ умре[46].

И паки по отни смерти[47] и при Святополце, на Стугне бившеся съ полови.и до вечера, бихом — у Халепа[48], и потом миръ створихом с Тугорканомъ и со инеми князи половечьскими; и у Глебовы чади[49] пояхом дружину свою всю. И потом Олегъ на мя приде с Полевъчьского землею к Чернигову, и бишася дружина моя с нимъ 8 дний о малу греблю, и не вдадуче внити имъ въ острогъ; съжаливсьи хрестьяных.душъ и сель горящих и манастырь, и рехъ: «Не хвалитися поганым!» И вдахъ брату отца его место, а самъ идох на отца своего место Переяславлю. И выидохом на святаго Бориса день[50] ис Чернигова, и ехяхом сквозе полкы половечьские, не въ 100 дружине, и с детми и с женами. И облизахутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и з горь. Богъ и святой Борисъ не да имъ мене в користь, — неврежени доидохом Переяславлю.

Я седехъ в Переяславли 3 лета и 3 зимы, и с дружиною своею, и многы беды прияхом от рати и от голода. И идохом на вои ихъ за Римовъ, и богъ ны поможе: избихом я, а другая поимахом.

И паки Итлареву чадъ избиша, и вежи ихъ взяхом, шедше за Голтавомъ[51]. ...

И Стародубу иходом на Олга, зане ся бяше приложипъ к половцем. И на Богъ идохом, с Святополком на Боняка за Рось.

И Смолинську идохом, с Давыдомъ смирившеся. Паки, идохом другое с Воронице[52].

Тогда же и торци придоша ко мне, и с половецъ читеевичи, идохом противу имъ на Сулу.

И потомъ паки идохом к Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихом Смолинску. И-Смолинська идох Ростову.

И паки, с Святополком гонихом по Боняце, но ли оли... убиша[53], и не постигохом ихъ. И потом по Боняце же гонихом за Рось, и не постигохом его.

И на зиму Смолинску идохъ, и-Смоленска по Велице дни выидох; и Гюргева мати умре[54].

Переяславлю пришедъ на лето, собрах братью.

И Бонякъ приде со всеми половци къ Кснятиню[55], идохом за не ис Переяславля за Сулу, и богъ ны поможе, и полькы ихъ победихом, и князи изьймахом лепшии, и по Рожестве створихом миръ съ Аепю, и поимъ у него дчеръ, идохом Смоленську. И потом идох Ростову.

Пришед из Ростова, паки идох на половци на Урубубу[56] с Святополком, и богъ ны поможе.

И потом паки на Боняка к Лубьну, и богъ ны поможе.

И потом ходихом к Воиню[57] с Святополком; и потом паки на Донъ идохом с Святополком и с Давыдомъ, и богъ ны поможе.

И к Выреви[58] бяху пришли Аепа и Бонякъ, хотеша взяти и, ко Ромну[59] идох со Олгомъ из детми на нь, и они очутивше бежата.

И потом к Меньску холихом на Глеба. оже ны бяше люди заялъ. и богъ ны

поможе, и створихом свое мышленное.

И потом ходихом къ Володимерю на Ярославця[60], не терпяче злобь его.

А и-Щернигова до Кыева нестишьды ездих ко отцю, днемь есмь переездиль до вечерни. А всех путей 80 и 3 великих[61], а прока не испомню менших. И мировь есмь створиль с половечьскими князи безь единого 20, и при отци и кроме отца, а дая скота много и многы порты свое. И пустиль есмь половечских князь лепших изь оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Осеня братье 4, а всех лепших князий инехъ 100. А самы князи богъ живы в руке дава: Коксусь с сыномь, Аклань, Бурчевичь, Таревьский князь Азгулуй[62], и инехъ кметий молодых 15, то техъ живы, ведъ, исекъ, вметах в ту речку въ Салню. По чередам избъено не съ 200 в то время лепших.

А се тружахъся ловы дея: понеже седох в Чернигове, а и-Щернигова вышед, и до сего лета по сту уганивал и имь даром всего силою кроме иного лова, кроме Турова, идеже со отцемь ловиль есмь всякъ зверь.

А се в Чернигове деяль есмь: конь диких своима руками связаль есмь въ пущах 10 и 20 живых конь, а кроме того же по ровни ездя ималь есмь своима руками те же кони дикие. Тура мя 2 метала на розех и с конемь, олень мя одинь боль, а 2 лоси, одинь ногами топталъ, а другый рогома боль. Вепрь ми на бедре мечь оттяль, медведь ми у олена подьклада укусилъ, лютый зверь[63] скочиль ко мне на бедра и конь со мною поверже, и богъ неврежена мя съблюде. И с коня много падах, голову си разбих дважды, и руке и нозе свои вередих, въ уности своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя головы своея.

Еже было творити отроку моему, то сам есмь створиль, дела на войне и на ловехъ, ночь и день, на знаю и на зиме, не дая себе упокоя. На посадники не зря, ни на биричи[64], сам твориль, что было надобе, весь нарядъ, и в дому своемь то я твориль есмь. И в ловчих ловчий нарядъ сам есмь держаль, и в конюсех, и о соколехъ и о ястрябех.

Тоже и худаго смерда и убогыя вдовице не далъ есмь сильным обидети, и церковнаго наряда и службы сам есмь приизраль.

Да не зазрите ми, дети мои, ни инь кто, прочеть, не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю бога и прославляю милость его, иже мя грешнаго и худаго селико лет сблюд от техъ часъ смертныхъ, и не ленива мя былъ створиль, худаго, на вся дела человекьская потребна. Да ею грамотицю прочитаючи, потъснетеса на вся дела добрая, славяще бога с святыми его. Смерти бо ся, дети, не боячи, ни рати, ни от звери, но мужьское дело творите, како вы богъ подасть. Оже бо язъ от рати, и от звери, и от воды, от коня спадаяся, то никтоже вас не можетъ вредитися и убити, понеже не будет от бога повелено. А иже от бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отъяти, но аче добро есть блюсти, божие блюденъе деплеесть человекьскаго.

О многострастный[65] и печальны азъ! Много борешися сердцемь, и одолевши, душе, сердцю моему, зане, тленьне сущи, помышляю, како стати предъ страшнымъ судьбою, ка-янья и смеренья не приимшимъ между собою.

Молвить бо иже: «Бога люблю, а брата своего не люблю», — ложь есть. И паки: «Аще не отпустите прегрешений брату, ни вам отпустить отецъ вашъ небесный». Пророкъ глаголетъ: «Не ревнуй лукавнующимъ, не завиди творящимъ безаконъе». «Что есть добро и красно, но еже жити братья вкупе!» Но все дьяволе наученье! то бо были рати при умныхъ дедехъ нашихъ, при добрыхъ и при блаженныхъ отцихъ нашихъ. Дьяволь бо не хочетъ добра роду человекьскому, сваживаетъ ны. Да се ти написахъ, зане принуди мя сынъ мой, его же еси хрстиль, иже то седить близь тебе, прислалъ ко мне мужъ свой и грамоту. река: «Ладимъся и смеримся. а братцю моему свдль пришель. А ве ему

не будеве местника, но възложиве на бога, а стануть си пред богомь; а Русьскы земли не погубим». И азъ видех смиренье сына своего, сжалихси, и бога устрашихся, рекох: онъ въ уности своей и в безумьи сице смеряется — на бога укладаеть; азъ человекъ грешень есмь паче всех человекъ.

Послушах сына своего, написах ти грамоту: аще ю приимеши с добромь, ли с поруганьемъ, свое же узрю на твоём писаньи. Сими бо словесы варих тя переди, его же почаяхъ от тебе смиреньем и покаянем хотя от бога ветхыхъ своихъ греховъ оставления. Господь бо нашъ не человекъ есть, но богъ всей вселене, иже хоцеть, в мегновеньи ока вся створити хоцеть, то сам претерпе хуленье, и оплеванье, и ударенье, и на смерть вдася, животом владея и смертью. А мы что есмы человеци грешни и лиси? — днесь живи, а утро мертви, днесь в славе и въ чти, а завтра в гробе и бес памяти, ини собранье наше разделять.

Зри, брате, отца наю: что взяста, или чим има порты? но токмо оже еста створила души своей. Но да сими словесы, пославше бяше переди, брат, ко мне варити мене. Егда же убита детя мое и твое[66] пред тобою, и бяше тебе, узревше кровь его и тело увянувшю, яко цвету нову процветшю, якоже агньцю заколену, и рещи бяше, стояще над ним, вникнущи въ помыслы души своей: «Увы мне! что створихъ? И пождавъ его безумья, света сего мечетнаго кривости ради налезох грех себе, отцю и матери слезы».

И рещи бяше Давыдскы: «Азъ знаю, грех мой предо мною есть воину». Не крове деля пролитья, — помазаникъ божий Давыдъ, прелюбодеянье створивъ посыпа главу свою и плакася горко; во ть час отда ему согрешенья его богъ. А к богу бяше покаяться, а ко мне бяше грамоту утешеную, а сноху мою послати ко мне[67], зане несть в ней ни зла, ни добра, да бых обуимъ оплакаль мужа ея и оны сватбы ею въ песний место: не видехъ бо ею первое радости, ни венчанья ею, за грехы своя! А бога деля пусти ю ко мне вборзе с первым сломь, да с нею кончавъ слезы, посажю на месте, и сядет акы горлица на сусе древе желеючи, а язъ утешюся о бозе.

Тем бо путем шли деди и отци наши: судъ от бога ему пришелъ, а не от тебе. Аще бы тогда свою волю створилъ и Муромъ налезлъ, а Ростова бы не занималъ, а послалъ ко мне, отсюда ся быхом уладили. Но сам разумей, мне ли бы послати к тебе достойно, ци ли тебе ко мне? Даже еси велель детяти: «Слися къ отцю», десятью я есмь послалъ.

Дивно ли, оже мужъ умерлъ в полку ти? Лепше суть измерли и роди наши. Да не выискывати было чюжего, — ни мене в соромъ, ни в печаль ввести. Научиша бо и па-ропци, да быша собе налезли, но оному налезоша зло. Да еже начнеши каяться богу, и мне добро сердце створиши, пославъ соль свой, или пископа, и грамоту напиши с правдою, то и волость възмешь с добромь, и наю сердце обратиши к себе, и лепше будемъ яко и преже; несмь ти ворожити, ни мезьникъ. Не хотехъ бо крови твоей видети у Стародуба: но не дай ми богъ крови от руку твоею видети, ни от повеленья твоего, ни котораго же брата. Аще ли лжю, а богъ мя ведаеть и крестъ честный. Оли то буду грех створилъ, оже на тя шедъ к Чернигову, поганых деля, а того ся каю; да то языком братьи пожаловахъ, и паки е поведлах, зане человекъ семь.

Аще ти добро, да с темь... али ти лихо е, да то ти седить сынъ твой хрестный с малым братомъ своимъ[68], хлебъ едучи дедень[69], а ты седиши в своемъ[70] — а о се ся ряди; али хочеши тою убити, а то ти еста, понеже не хочу я лиха, но добра хочю братьи и Русьскей земли. А его же то и хочеши насильем, тако ве даяла и у Стародуба и милосердуюча по тебе, очину твою. Али богъ послух тому, с братом твоимъ рядилися есве, а не поможетъ рядитися бес тебе. И не створила есве лиха ничтоже. ни рекла есве: ели к брату. дондеже владимся.

Оже ли кто вас не хочеть добра, ни мира хрестьяном, а не буди ему от бога мира узрети на оном свете души его!

Не по нужи ти молвлю, ни беда ми которая побозе, сам услышишь; но душа ми своя лутши всего света сего.

На страшней при бе-суперник обличаюся и прочее.

«Премудрости наставниче^[71] и смыслу давче, несмысленным казателю и нищим заступниче! Утверди в разуме мое сердце, владыко! Ты дажь ми слово, отче, се бо устнама моима не възбрани възпити ти: милостиве, помилуй падшаго!» «Упованье мое богъ, прибежище мое Христось, покровь мой святыи дух». «Надеже и покрове мой, не презри мене, благая! Тебе бо имуще, помощницу в печали и в болезни и от злых всех, и тебе славлю, препетая!» «И разумеите и видите, яко азъ есмь богъ, испытай сердца и сведый мысли, обличая дела, опаляя грехы, судяй сироте, и убогу, и нищю». «Всклонися, душе моя, и дела своя помысли, яже здеа, пред очи свои принеси, и капля испусти слезь своих, и повежь яве деянья и вся мысли Христу, и очистися». «Андреа честный, отче треблаженный, пастуите Критьскый! Не престай моляся за ны чтущая тя, да избудем вей гнева, и печали, и тля, и греха, и бедъ же, чтуще память твою верно». Град свой охрани, девице мати чистая, иже о тебе верно царствует, да тобою крепиться и тебе ся надеть, побежать вся брани, испрометает противныя и творить послушанье. «О препетая мати, рожьшия всех святых пресвятаго Слова! Приимши нынешнее послушанье, от всякия напасти заступи и грядущия муки к тебе вопьющих. Молим ти ся, раби твои, и преклоняем си колени сердца нашего: приклони ухо твое, чистая, и спаси ны в скорбех погружающаяся присно, и сблуди от всякого плененья вражьа твой град, богородице! Пощади, боже, наследья твоего, прегрешенья наша вся презри, ныне нас имея молящих тя, на земли рожьшюю тя бе-семене, земную милость, изволивь обратитися, Христе, в человечество». Пощади мя, Спасе, рожься и схрань рожьшюю тя нетленну по рожестве, и егда сядеши судити дела моя, яко безгрешень и милостивь, яко богъ и человеколюбець. Дево пречистая, неискусна.браку, богообрадованая, верным направлень! Спаси мя погыбшаго, к Сыну си вопьющи: «Помилуй мя, господи; помилуй; егда хочещи судити, не осуди мя въ огонь, ни обличи мене яростью си; молит тя дева чистая, рожшая тя, Христе, и множество ангель и мученикъ зборъ».

О Христе Иусе госпode нашемъ, ему же подобаеть честь и слава, отцю и сыну и святому духу, всегда и ныне, присно, векъ.

ПОУЧЕНИЕ

ВЛАДИМИРА

МОНОМАХА

Перевод Д.С.Лихачева

Я, смиренный, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов... и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет любя, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, бога ради и души своей, страх имейте божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, — это ведь начало всякого добра. Если же кому не любя грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил.

Ибо встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Поспеши к

нам, и выгоним Ростиславичей и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

И, отпустив их, взял Псалтырь в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: «О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» — и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите.

«Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на бога, ибо верю в него». «Не соревнуйся с лукавыми, не завидуй творящим беззаконие, ибо лукавые будут истреблены, послушные же господу будут владеть землей». И еще немного: «И не будет грешника: посмотришь на место его и не найдешь его. Кроткие же унаследуют землю и многим насладятся миром. Злоумышляет грешный против праведного и скрежет на него зубами своими; господь же посмеется над ним, ибо видит, что настанет день его. Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и убогого, заковать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся. Лучше праведнику малое, нежели многое богатство грешным. Ибо сила грешных сокрушится, праведных же укрепляет господь. Ибо грешники погибнут, — праведных же милует и одаривает. Ибо благословляющие его наследуют землю, клянущие же его истребятся. Господом стопы человека направляются. Когда он упадет, то не разобьется, ибо господь поддерживает руку его. Молод был и состарился, и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба. Всякий день милостыню творит праведник и займы дает, и племя его благословенно будет. Уклонись от зла, сотвори добро, найди мир и отгони зло, и живи во веки веков».

«Когда восстали бы люди, то живыми пожрали бы нас; когда прогневалась бы на нас ярость его, то воды бы потопили нас».

«Помилуй меня, боже, ибо погряз меня человек; всякий день нападая, теснит меня. Погрязли меня враги мои, ибо много восстающих на меня свыше». «Возвеселится праведник и, когда увидит отмщение, руки омоет свои в крови грешника. И скажет человек; «Если есть награда праведнику, значит есть бог, творящий суд на земле». «Освободи меня от врагов моих, боже, и от восстающих на меня защити меня. Избави меня от творящих беззаконие и от мужа крови спаси меня, ибо уже уловили душу мою». «Ибо гнев в мгновение ярости его, а вся жизнь в воле его: вечером водворится плач, а наутро радость». «Ибо милость твоя лучше, чем жизнь моя, и уста мои да восхвалят тебя. Так благословлю тебя при жизни моей и во имя твое воздену руки мои». «Укрой меня от сборища лукавых и от множества делающих неправду». «Веселитесь все праведные сердцем. Благословлю господа во всякое время, непрестанна хвала ему», и прочее.

Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово господне: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свиреповать словом, не хулить в беседе, не много смеяться, стыдиться старших, с непутевыми женщинами не беседовать и избегать их, глаза держа книзу, а душу ввысь, не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». «О владычица богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего» в ничтожной этой жизни.

Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, господу ради; лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — молчи, умертви грех». «Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу. Приходите да соединимся, говорит господь. Если будут грехи ваши как обогранные, — как снег обелю их», и прочее. «Воссияет весна поста и цветков покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая к светодавцу, скажем: «Слава тебе, человеколюбец!»

Поистине, дети мои, разумеете, что человеколюбец бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить, кровь его пролить вскоре. А господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю жизнь нашу. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость божию.

«Что такое человек, как подумаешь о нем?» «Велик ты, господи, и чудны дела твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса твои», — и снова скажем: «Велик ты, господи, и чудны дела твои, и благословенно и славно имя твое вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит силу твою и твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет? И земля на водах положена, господи, твоим промыслом! Звери различные и птицы и рыбы украшены твоим промыслом, господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица, — если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, господи, милость твоя к нам, так как блага эти сотворил ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены тобою, господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им, то и имея язык немеют. «И благословен, господи, и прославлен зело!» «Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. «И кто не восхвалит тебя, господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя отца и сына и святого духа, да будет проклят!»

Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите бога, подавшего нам милость свою; а то дальнейшее, — это моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня; если не все примете, то хоть половину.

Если вам бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, — если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможет, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола. и что нагрешит за день. то этим человек избавляется. Если

и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, — нежели думать безлепицу, ездя.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от бога. Паче же всего гордости но имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на несколько дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, — то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им власти над собой. А вот вам и основа всему: страх божий имейте превыше всего.

Если будете забывать это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Лениость ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрени воздавши богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе боже, давший мне свет твой дивный!» И еще: «Господи, умножь годы мои, чтобы впредь, в остальных грехах моих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать. Спанье в полдень назначено богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди.

А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охотах с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошел сквозь землю вятичей:

послал меня отец, а сам он пошел к Курску; и снова вторично ходил я к Смоленску, со Ставком Гордятичем, который затем пошел к Берестью с Изяславом, а меня послал к Смоленску; а из Смоленска пошел во Владимир. Той же зимой послали меня в Берестье братья на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль к отцу, а после Пасхи из Переяславля во Владимир — в Сутейске мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир.

Затем послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глогов до Чешского леса, и ходил в земле их четыре месяца. И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский. А оттуда ходил я в Турив, а на весну в Переяславль и опять в Туров,

И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной — Глебу в помощь. А летом с отцом — под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною и в Чернигов. И снова пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда, из Владимира выведенный, и я позвал его к себе на обед с отцом; в Чернигове, на Красном дворе, и дал отцу триста гривен золота. И опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом и победили Бориса и Олега. И опять пошли в Переяславль и стал в Оброве.

И Всеслав Смоленск пожег, — и я с черниговцами верхом с поводными конями помчался, но не застал... в Смоленске. В том походе за Всеславом пожег землю и повоевал ее до Лукомля и до Логожска, затем на Друцк войною и опять в Чернигов.

А в ту зиму повоевали половцы Стародуб весь, и я идя с черниговцами и со своими половцами, на Десне взяли в плен князей Асадука и Саука, а дружину их перебили. И на следующий день за Новым Городом разбили сильное войско Белкатгина, а семечей и плепников всех отняли.

А в Вятичскую землю ходили подряд две зимы на Ходоту и на сына его и к Корьдну ходили первую зиму. ☞ опять ходили мы и за Ростиславичами за Микулин, и не настигли их. И на ту весну — к Ярополку на совещание в Броды.

В том же году гнались за Хорол за половцами, которые взяли Горошин.

На ту осень ходили с черниговцами и с половцами-читеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины.

В ту зиму ходили к Ярополку на сбор в Броды и союз великий заключили.

И весной посадил меня отец в Переяславле выпи всей братии и ходили за Сулой. И по пути к Прилуку городу встретили нас внезапно половецкие князья, с восемью тысячами, и хотели было с ними сразиться, но оружие было отослано вперед на возах, и мы вошли в город. Только семца одного живым захватили, да смердов несколько, а наши половцев больше убили и захватили, и половцы, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь. И на следующий день, на успение, пошли мы к Белой Веже, бог нам помог и святая богородица: перебили девятьсот половцев и двух князей взяли, Багубарсовых братьев, Осеня и Сакзя, и только два мужа убежали.

И потом на Святославль гнались за половцами, и затем на Торческ город, и потом на Юрьев за половцами. И снова на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом с Ростиславом же у Варина вежи взяли. И затем ходил во Владимир опять, Ярополка там посадил, и Ярополк умер.

И снова. по смерти отцами при Святополке. на Стугне бились мы с половцами

до вечера, бились у Халепа, и потом мир сотворили с Тугорканом и с другими князьями половецкими, и у Глебовой чади отняли дружину свою всю.

И потом Олег на меня пришел со всеми половцами землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог. Сжалился я христианскими душами и селами горящими и монастырями и сказал: «Пусть не похваляются язычники!» И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах. Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.

И сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею, и много бед приняли мы от войны и голода. И ходили на воинов их за Римов, и бог нам помог, перебили их, а других захватили.

И вновь Итлареву чадь перебили, и вежи их взяли, идя за Голтав.

И к Стародубу ходили на Олега, потому что он сдружился с половцами. И на Буг ходили со Святополком на Боняка за Рось.

И в Смоленск пошли, с Давыдом помирившись. Вновь ходили во второй раз с Вороницы.

Тогда же и торки пришли ко мне с половцами-читеевичами, и ходили мы им навстречу на Сулу.

И потом снова ходили к Ростову на зиму, и три зимы ходили к Смоленску. Из Смоленска пошел я в Ростов.

И опять со Святополком гнались за Боняком, но... убили, и не настигли их. И потом за Боняком же гнались за Рось, и снова не настигли его.

И на зиму в Смоленск пошел; из Смоленска после Пасхи вышел; и Юрьева мать умерла.

В Переяславль вернувшись к лету, собрал братьев.

И Боняк пришел со всеми половцами к Кснятину; мы пошли за ними из Переяславля за Суду, и бог нам помог, и полки их победили, и князей захватили лучших, и по Рождестве заключили мир с Аепою, и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску. И потом пошел к Ростову.

Придя из Ростова, вновь пошел на половцев на Уруббу со Святополком, и бог нам помог.

И потом опять ходили на Боняка к Лубну, и бог нам помог.

И потом ходили к Воиню со Святополком, и потом снова на Дон ходили со Святополком и с Давыдом, и бог нам помог.

И к Вырю пришли было Аепа и Боняк, хотели взять его; к Ромну пошли мы с Олегом и с детьми на них, и они, узнав, убежали.

И потом к Минску ходили на Глеба, который наших людей захватил, и бог нам помог, и сделали то, что задумали.

И потом ходили к Владимиру на Ярославца, не стерпев злодеяний его.

А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая, до вечерни. А всего походов было восемьдесят и три великих, а остальных и не упомяну меньших. И миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце и без отца, а раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких столько: Шарутаневых двух братьев, Багубарсовых трех, Осеневых братьев четырех, а всего других лучших князей сто. А самих князей бог живыми в руки давал: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевич, таревский князь Азгулуй и иных витязей молодых пятнадцать, этих я, приведя живых, иссек и бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около двухсот лучших мужей.

А вот как я трудился, охотясь: пока сидел в Чернигове, а из Чернигова выйдя, и до этого года — по сотне загонял и брал без трудов, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя.

И вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, развезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал. Вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул, и бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал, и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и в стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился.

Также и бедного смерда, и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю бога и прославляю милость его, ибо меня, грешного и ничтожного, столько лет хранил от тех смертных опасностей и не ленивым меня, дурного, создал, но к любому делу человеческому способным. Прочитав эту грамотку, потщитесь делать всякие добрые дела, славя бога со святыми его. Смерти, дети, не бойтесь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам бог пошлет. Ибо, если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от бога повелено. А если случится от бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело — остерегаться самому, то божие сбережение лучше человеческого.

О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцем и одолевашь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьбою, не покаявшись и не помирившись между собою.

Ибо кто молвит: «Бога люблю, а брата своего не люблю», — ложь это. И еще: «Если не простите прегрешений брату, то и вам не простит отец ваш небесный». Пророк говорит: «Не соревнуйся лукавствующим, не завидуй творящим беззаконие». «Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе». Но все наущение дьявола! Были ведь войны при умных дедах наших, при добрых и при блаженных отцах наших. Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому. Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой, крещенный тобою, что сидит близко от тебя. Прислал он ко мне мужа своего и грамоту, со словами: «Договоримся и помиримся, а братцу моему божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на бога, когда предстанут они пред богом; а Русскую землю не погубим». И, увидел смирение сына моего, сжалился я и, бога устранившись, сказал: «Он по молодости своей и неразумию так смиряется, на бога возлагает; я же — человек, грешнее всех людей».

Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоей грамоты. Этими ведь словами я предупредил тебя, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от бога отпущения прошлых своих грехов. Господь наш не человек. но бог всей

вселенной, — что захочет, во мгновение ока все сотворит, — и все же сам претерпел хулу, и оплевание, и удары и на смерть отдал себя, владея жизнью и смертью. А мы что такое, люди грешные и худые? Сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и забыты. Другие собранное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мне и предупредить меня. Когда же убили дитя, мое и твое, пред тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку, впервые распустившемуся, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного нажил я грех себе, а отцу и матери — слезы!»

Надо было бы сказать тебе словами Давида: «Знаю, грех мой всегда передо мною». Не из-за пролития крови, а свершив прелюбодеяние, помазанник божий Давид посыпал главу свою и плакал горько, — в тот час отпустил ему согрешенья его бог. Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне, — ибо нет в ней ни зла, ни добра, — чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их, вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, за грехи мои. Ради бога, пусти ее ко мне поскорее с первым посланцем, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился в боге.

Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы отсюда и уладились. Но сам рассуди, мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

Разве удивительно, что муж пал на войне? Умирили так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла. И если начнешь каяться богу и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и власть получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, ибо я человек.

Если тебе хорошо, то... если тебе плохо, то вот сидит подле тебя сын твой крестный с малым братом своим и хлеб едят дедовский, а ты сидишь на своем хлебе, об этом и рядись. Если же хочешь их убить, то вот они у тебя оба. Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле. А что ты хочешь добыть насильем, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою. Бог свидетель, что мы с братом твоим рядились, если он не сможет рядиться без тебя. И мы не сделали ничего дурного, не сказали: пересылайся с братом до тех пор, пока не уладимся. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому от бога мира не видать душе своей на том свете!

Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего света сего.

На Страшном суде без обвинителей сам себя обличаю, и прочее.

«Премудрости наставник и смысла податель, неразумным учитель и нищим заступник! Утверди в разуме сердце мое. владыка! Дай мне дар слова. отче.

устам моим не запрещай взывать к тебе: милостивый, помилуй падшего!» «Упование мое — бог, прибежище мое — Христос, покров мой — дух святой!» «Надежда и защита моя, не презри меня, благая! Тебя имею помощницей в печали, и в болезни, и во всех бедах, и тебя славлю, воспетая!» «Разумейте и узрите, что я бог, испытующий сердца и ведающий мысли, обличающий дела, опаляющий грехи, дающий суд сироте, и убогому, и нищему». «Преклонись, душа моя, и о делах своих помысли, содеянных тобою, глазами своими обозри их, и каплю испусти слез своих, и поведай открыто все дела свои и мысли Христу, и очистись». «Андрей честной, отче преблаженный, пастырь Критский! Не престань молиться за нас, чтущих тебя, да избавимся все от гнева, и печали, и тления, и греха, и бед, чтущие память твою верно». Град свой сохрани, дева-мать чистая, который царствует честно под твоим покровительством, пусть он тобой укрепляется и на тебя надеется, побеждает во всех битвах, сокрушает врагов и покоряет их. «О воспетая мать, родившая святейшее из святых Слово! Приняв нынешнее приношение, защити нас от всякой напасти и от грядущей муки — к тебе взывающих. Молимся тебе, рабы твои, и преклоняем колена сердца нашего: склони ухо твое, чистая, и спаси нас, вечно в скорбях погруженных, и соблюди от всякого пленения вражеского твой город, богородица! Пощади, боже, наследие твое, прегрешения наши все прости, видя, что мы молимся теперь тебе, на земле родившую тебя без семени, земную милость, изволением своим воплотивший, Христе, в человека». Пощади меня, Спасе, родившийся и сохранивший родившую тебя нетленною до твоем рождении, когда воссядешь судить дела мои, как безгрешный и милостивый, как бог и человеколюбец! Дева пречистая, не искушенная браком, богом обрадованная, верующим наставление, спаси меня, погибающего и к сыну твоему вопиющего: «Помилуй меня, господи, помилуй! Если хочешь судить, не осуждай меня на вечный огонь, но обличай меня яростью своею — молит тебя дева чистая, родившая тебя, Христе, и множество ангелов, и мучеников сонм». Во имя Христа Иисуса, господя нашего, которому подобает честь и слава, отцу и сыну и снятому духу, всегда и ныне и присно во веки!

Примечания. Автор «Поучения» князь Владимир Всеволодович Мономах (1053 — 1125) — один из самых талантливых и образованных русских князей домонгольской поры. Он был князем черниговским, затем переяславским (Переяславля Южного), а с 1113 г. — киевским. Всю жизнь провел в борьбе с половцами, против которых организовал несколько походов объединенных сил русских князей. Законодательным путем несколько смягчил положение низов, покровительствовал духовенству, поощрял летописание и литературную деятельность. «Поучение» Владимира Мономаха читается только в Лаврентьевской летописи. В ней оно искусственно вставлено между рассуждением о происхождении половцев и рассказом о беседе летописца с новгородцем Гюрятой Роговичем. В других летописях (Ипатьевской, Радзивилловской и др.) текст, разделенный в Лаврентьевской летописи «Поучением», читается без всякого разрыва и «Поучение» отсутствует. «Поучение» — одно из выдающихся произведений древнерусской литературы. По поводу того, когда оно было написано, существует большая литература и большие расхождения во взглядах. Вероятнее всего, оно написано в 1117 г. Печатается по Лаврентьевской летописи (ГПБ, Р, IV, № 2) с незначительными исправлениями описок.

[1] *...наречный въ крещении Василий, русьскимъ именемъ Володимиръ...* — Два имени — одно христианское, крестное, и другое «русское», «мирское» или «княжеское», — обычны в среде русских князей XI — XIII вв., а отчасти и позднее.

[2] *...Мьномахы...* — Владимир, очевидно, был назван Мономахом в честь византийского императора Константина IX Мономаха. Мать Владимира была гречанкой из императорского рода. (Вслед за словом «Мономахы» в Лаврентьевской летописи следует пробел в четыре с половиной строки.)

- [3] *Седя на санех...* — Это выражение следует понимать как образное. Оно может иметь значение: «в преклонных годах», «на краю смерти». Значение его основывается на обрядовой стороне древнерусских похорон. Перевозка тела умершего на санях была существенной частью древнерусского погребального обычая.
- [4] *...дети мои, или инъ кто...* — Из этих слов видно, что Мономах предназначал свое «Поучение» не только для своих детей. Он придавал ему более широкое общественное значение.
- [5] *...братья моя...* — Здесь разумеются двоюродный брат Мономаха Святополк Изяславич и Святослав Давидович.
- [6] *...Ростиславича...* — Рюрик Ростиславич, Володарь Ростиславич Перемышльский и Василько Ростиславич Теробовльский
- [7] *...вземъ Псалтырю, в печали разгнухъ я, и то ми ся выня...* — Псалтырью называется одна из книг Библии, представляющая собой собрание ста пятидесяти псалмов: песнопений, исполнявшихся в библейские времена под аккомпанемент струнного музыкального инструмента псалтыри, по имени которого и получила свое название эта книга Библии. Основная часть псалтыри приписывается библейскому царю Давиду. Псалтырью часто пользовались в древней Руси для гаданий. Существовали даже особые гадательные псалтыри, под основным текстом которых помещались замечания, поясняющие «пророческое» значение псалтырного текста. Гадающий раскрывал наугад псалтырь и читал открывшееся место и замечания к нему, если они были.
- [8] *Яко же бо Василий учаше...* — Василий Великий (Кесарийский; ок. 330 — 379). «Поучение» Василия Великого было известно на Руси по переводу, включенному в Изборник Святослава 1076 г.
- [9] *...как птица небесная изъ ирья идуть...* — По некоторым славянским преданиям, птицы на зиму улетают в рай (ирий, вырий) — в сказочную страну, где не бывает зимы и куда скрывается зимою вся живая природа.
- [10] *...яко же бо отецъ мой, дома седя, изуменяше 5 языкъ...* — Какие именно языки знал отец Мономаха — Всеволод Ярославич, — мнения расходятся. Как бы то ни было, знание пяти иностранных языков было в XI в. для Западной Европы явлением незаурядным. Европейские писатели ставили в особую заслугу немецкому императору Карлу IV знание пяти иностранных языков. Об этом помнили и этим восторгались в Европе ученые даже в XVI и XVII вв.
- [11] *...со Ставкомъ с Гордятичемъ...* — Нигде в других случаях этот Ставке более в летописях не упоминается.
- [12] Берестье — ныне Брест.
- [13] Володимерь — город Владимир Волинский.
- [14] *...идохъ Переяславлю отцю...* — к отцу в Переяславль Южный (княжение отца Мономаха Всеволода).
- [15] *Сутейск.* — Где был Сутейск — неясно. Урочищ со сходными на званиями имеется несколько.
- [16] *...за Глоговы до Чешьскаго леса...* — Чешский лес расположен на юг от Эгера, между Богемией и Моравией, в районе водораздела Дуная и Влтавы. Возможно, однако, что под Чешским лесом имеется в виду лес Силезско-Моравских гор. Глогова — Глогоу на Одере.
- [17] *...детя... старейшее новгородское.* — Старший сын Владимир. Мономаха Мстислав родился в 1076 г. В Новгороде Мстислав княжил с 1088 по 1093 г. и с 1095 по 1117 г.
- [18] *И Святославъ умре...* — Святослав Ярославич умер 27 декабря 1076 г.
- [19] *...Глебови в помочь...* — в помощь Глебу Святославичу Новгородскому, очевидно, против Всеслава Брячиславича Полоцкого весной 1077 г.
- [20] *Одрьскъ.* — Где был город Одреск — неясно.
- [21] *...на Краснемъ дворе...* — Красные княжеские дворы неоднократно упоминаются в летописи. Все они были загородными дворами.
- [22] *...и победихомъ Бориса и Олга.* — Имеется в виду битва на Нежатиной Ниве близ Чернигова 8 октября 1078 г. Мономах, его отец Всеволод Ярославич и Изяслав Ярославич победили в этой битве Борисе Вячеславича и Олега Святославича («Гориславича») (см. также прим. на стр. 720). Изяслав и Борис были убиты в битве. В Киеве сел Всеволод, а Мономах в Чернигове, сохранив, по-видимому, за собой Смоленск. Вот почему Мономах, теперь уже черниговский князь, гонится за Всеславом «с черниговцами».
- [23] *Обровъ* — урочище в Переяславском княжестве, но неясно где.
- [24] *...до Лукамля и до Логожьска* — города в Полоцком княжестве, принадлежавшие Всеславу Полоцкому.
- [25] *...князи Асадука и Саука...* — Асадук — это, по-видимому, тесть Олега Святославича, женатого на половчанке. Утверждать это с достоверностью нельзя.
- [26] за Новым Годом — за Новгородом Севским

- [27] ...*силны вои Белкатгина...* — Кто такой Белкатгин — неизвестно.
- [28] ...*а семечи и, полонъ весь отяхом.* — Кто такие «семичи» — неизвестно (жители по реке Семи?).
- [29] *Вятичи* — жили по Оке и по Десне. Водный путь в Ростов лежал по Днепру и Верхней Волге. Очевидно, Мономах шел прямым путем через вятические леса, представлявшие в XI в. не малую опасность.
- [30] ...*на Ходоту...* — Ходота — князь вятичей. Более о нем ничего не известно.
- [31] ...*ко Корьдну...* — Город Корьдно упоминается только в «Поучении». Местоположение его неясно.
- [32] ...*по Изяславичихъ...* — По-видимому, речь идет не о Изяславичах (Ярополке и Святополке — сыновьях Изяслава Ярославича), а о Ростиславичах (Володаре Ростиславиче Перемышльском и Васильке Ростиславиче Теребовльском).
- [33] *Микулин* — город в Галицкой области на реке Серете.
- [34] *Броды* — город на границе Руси с Польшей в Волынской земле.
- [35] *Хороль* — приток Псела.
- [36] *Горошинъ* — город в Переяславском княжестве на реках Суде и Боричке на юго-запад от Хорола.
- [37] *Супой* — левый приток Днепра, впадает в Днепр ниже Переяславля Южного. Следующий за Супоем крупный левый приток Днепра — *Сула*. Супой и Сула — пограничные с половецкой степью реки.
- [38] *Прилуць* — город в Переяславском княжестве. В некоторых списках «Повести временных лет» Прилуком называется город Переволочна.
- [39] ...*только семцю яша единого живого...* — Что означает слово «семца» — неясно (может быть, — младший член семьи, слуга),
- [40] ...*к Беле Вежи...* — Здесь, очевидно, имеется в виду гопод Белая Вежа на реке Остре.
- [41] *Святославль.* — Местоположение Святославля неясно.
- [42] *Гюргевь* (Юрьев) — город на реке Роси.
- [43] *Ростислав* — Ростислав Всеволодович, брат Мономаха.
- [44] *Варин.* — Где находился Варин — неясно.
- [45] *Володимерь* — Владимир Волынский.
- [46] ...*и Ярополкъ умре.* — Ярополк Изяславич был убит 22 ноября 1086 г.
- [47] ...*по отни смерти...* — Всеволод Ярославич умер 13 апреля 1093 г.
- [48] *Халеп* — село Халепье недалеко от Стугны.
- [49] ...*у Глебовы чади...* — Интересно, что знатный половец носит русское имя. Русские имена у половцев встречаются неоднократно.
- [50] ...*на свягаго Бориса день...* — Память Бориса Владимировича праздновалась 24 июля. Стр. 160. *Рамовъ* — город на Суле.
- [51] *Голтав* — город в Переяславском княжестве при впадении реки Голтавы в Псел.
- [52] *Вороницы.* — Местоположение Вороницы неясно.
- [53] ...*гонихом по Боняце, но... убиша...* — Место это испорчено в тексте и неясно.
- [54] ...*Гюргева мати умре...* — жена Мономаха. Она названа так по имени последнего, младшего сына Мономаха — Юрия. Эта жена Мономаха была дочерью последнего англосаксонского короля Гаральда, разбитого в 1066 г. в битве при Гастингсе с норманами Вильгельма Завоевателя. Дочь Гаральда Гита воспитывалась в Дании и была выдана за Мономаха, по-видимому, в 1074 или 1075 г.
- [55] *Кснятин* — город на правом берегу Суды.
- [56] *Уруба* — половецкий князь.
- [57] ...*ходихом к Воиню...* — Город Воинь находился при впадении Сулы в Днепр.
- [58] *И к Выреви...* — Выра — селение на реке Вире.
- [59] *Ромен* — город на реке Суле.
- [60] ...*на Ярославця...* — Речь идет о походе на Ярослава Святополковича во Владимир Волынский.
- [61] *А всех путей 80 и 3 великих...* — В своем «Поучении» Мономах перечислил не все восемьдесят три «великих» похода, а только шестьдесят девять. О том, сколько было меньших «путей» (походов), дает отчасти представление упоминание Мономаха о ста своих поездках из Чернигова в Киев; следовательно, меньшие «пути» исчислялись сотнями.
- [62] ...*Таревський князь Азгулуй...* — Что такое «таревский» — неизвестно.
- [63] ...*лютый зверь...* — Что такое этот «лютый зверь» — неясно.
- [64] *Бирич* — глашатай, вызывавший к суду ответчиков, а также сборщик податей и штрафов, блюститель порядка.
- [65] *О многострастный...* — Этими словами открывается письмо Владимира Мономаха своему двоюродному брату Олегу Святославичу (Олегу «Гопиславичу» из «Слова о полку

Игоре»); написанное, по-видимому, в 1096 г. Поводом к переписке Мономаха и Олега послужило убийство младшего сына Мономаха — Изяслава в битве с Олегом. Вняв совету своего старшего сына Мстислава, которого крестил Олег Святославич, Мономах послал это письмо Олегу со словами примирения.

[66] *...детя мое и твое...* — По-видимому, Изяслав был так же, как и Мстислав, крестным сыном Олега.

[67] *...а сноху мою послати ко мне...* — Кто была сноха Мономаха — вдова его сына Изяслава — неизвестно.

[68] *...сынъ твой хрестъный с малым братомъ своимъ...* — Мстислав Владимирович со своим младшим братом Юрием Владимировичем (Долгоруким).

[69] *...хлебъ едучи дедень...* — феодальный термин, означающий сидеть в своем родовом уделе; в данном случае этот последний — Ростово-Суздальская область, родовой удел Мстислава.

[70] *...а ты седиши в своемъ...* — в уделе Муромо-Рязанском.

[71] «*Премудрости наставниче...*» — Этими словами начинается новое произведение — молитва. Она приписывается Мономаху постольку, поскольку Мономаху же принадлежат первые два произведения — «Поучение» и письмо к Олегу Святославичу. Общее настроение этой молитвы отчасти навеяно покаянным канонам Андрея Критского. Град, упоминаемый в этой молитве, — Киев, покровительницей которого считалась богоматерь.